

Киселевич. Киев 1903г. 1 марта

Kiev. №371. 1903

◆ Театральныя замѣтки. Торжественный спектакль въ память 50-лѣтія представленій пьесъ А. Н. Островскаго—«Не въ свои сани не садись» и «Бѣдная невѣста».

Юбилей нѣсколько запоздалъ, но лучше поздно, чѣмъ никогда, вспомнить и почтить память человѣка, уму котораго, дарованію и высокой любви къ родинѣ русскій театръ обязанъ всѣмъ своимъ достояніемъ. Что, собственно, есть въ русскомъ театрѣ, кромѣ Островскаго и независимо отъ него? Нѣсколько гениальныхъ порывовъ русскаго творчества, скованныхъ догмою, ложно истолкованной французами пѣтики Аристотеля; «горькій», разрушительный смѣхъ Гоголя, вылился въ столь индивидуальныя формы, что имъ можно поклоняться и, но нельзя подражать. Нуженъ былъ смѣлый, не стилизованный, обезличивающій и рутинной казенной науки или фальшивую «благороднаго воспитанія» умъ и характеръ молодого приказнаго, его глубокое чувство національности, суровыя обстоятельства его личной жизни, чтобы создать тотъ громадный циклъ драматическихъ произведеній, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся «убогая и нарядная» Русь со всѣмъ ея историко-бытовымъ и морально-психологическимъ укладомъ. Но слѣдуетъ сказать правду, что въ тѣ тяжелыя времена, предоставленный самому себѣ, не найдя поддержки во вліятельныхъ сферахъ передовыхъ людей русскаго общества, А. Н. Островскій, будь онъ сто кратъ гениальнѣе, такъ-бы, вѣроятно, и остался по-вытчимомъ московскаго совѣстнаго суда, вѣсто того, чтобы стать творцомъ національнаго русскаго театра. Самъ А. Н. писалъ въ альбомѣ М. И. Семевскому: «самый памятный для меня день моей жизни—это 14 февраля 1847 года», день, въ который Островскій у профессора С. П. Шевырева читалъ первые опыты своей драматической музы, имѣя слушателями: А. С. Хомякова, С. И. Калюшина, А. А. Григорьева, С. Т. Аксакова... «Съ этого дня, говоритъ А. Н., «я сталъ считать себя русскимъ писателемъ»...

Московскій совѣстный судъ навсегда потерялъ въ немъ чиновника, а юная русская мысль, а русское искусство приобрѣли новаго подвижника. Ибо, что-же такое, какъ не подвижъ,—«души во спасеніе», была вся долгая, трудолюбивая, полная высшихъ стремленій и жизненныхъ неудачъ жизнь А. Н. Островскаго. Вѣдь если невнятные «Картины семейнаго счастья» и чтеніе корректуръ въ поединскомъ «Москвитинѣ» могли сдѣлать А. Н. «неблагондежнымъ» въ глазахъ попечительнаго начальства, то чего же могъ ждать юный русскій писатель отъ дальнѣйшаго направленія своей литературской дѣятельности. И дѣйствительно, когда черезъ мѣсяць послѣ 14 января 1853 года, впервые поставленной въ Москвѣ въ бенефисъ Л. И. Косицкой комедіи Островскаго—«Не въ свои сани не садись», спектакль, въ который А. Н. «испыталъ первыя авторскія тревоги и первый усмѣхъ», эта-же пьеса объявлена была въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ и Государь Императоръ Николай Павловичъ явился на спектакль со своимъ семействомъ, то театральное начальство перетрусило до послѣдней степеніи. Пьесу «неблагонадежнаго» москвича спасъ отзывъ Государя: «очень мало пьесъ, которыя доставили-бы мнѣ такое удовольствіе,—ce n'est pas une piéce, c'est une leçon». Публикою пьеса была встрѣчена восторженно и уравновѣшенный Вольфъ, авторъ «хроникъ петербургскихъ театровъ», восклицаетъ, раздѣляя всеобщій энтузіазмъ, что «19-е февраля 1853 года въ исторіи русскаго театра составляетъ новую эру, какъ 19-е февраля 1861 года въ исторіи русскаго народа». Какъ это отрадно слышать теперь, когда оба 19 февраля оказались подъ сомнѣніемъ: одно съ точки зрѣнія социально-экономической эволюціи и государственнаго право-порядка, а другое съ утонченно-эстетической морали національнаго безразличія. «Всечеловѣкъ» буддійскихъ мечтаній В. С. Соловьева, какъ и «Сверхчеловѣкъ» мегалломоническаго бреда Ницше, одинаково чужды Островскому, твердо вѣрившему въ національную мощь русскаго народа и всѣмъ своимъ широкимъ славянскимъ сердцемъ любившему просто человѣка. Уже въ сыгранной вчера комедіи, эта особенность великаго русскаго писателя выразилась достаточно ярко. Вспомните лишь сцену объясненія Бородкина съ Дуней въ четвертомъ явленіи второго дѣйствія, или заключительныя сцены той-же пьесы между Дуней, Бородкинымъ и Русаковымъ, и вы легко почувствуете, въ чемъ заключается національная особенность этой пьесы и ея глубокое, жизненное значеніе въ исторіи самобытной русской комедіи... Вы можете пересмотрѣть всю западно-европейскую драматическую литературу и не найдете ничего подобнаго, потому что ничего подобнаго нѣтъ въ тайникахъ народной души націй создавшихъ эту литературу... Я не сравниваю, нѣтъ, есть вещи, не подлежащія сравненію, а таковы безспорно индивидуальныя свойства народа, его расовыя и историко-бытовыя особенности, отличія его психики и темперамента, словомъ все, чѣмъ обусловлено его творчество. Прирожденный гуманизмъ, вытекающій не изъ формально сознанаго долга христіанскаго милосердія, а составляющій естественную потребность сердца, вотъ что составляетъ отличительную черту русскаго народа, такъ смѣло и трогательно обнаруженную А. Н. Островскимъ подъ поддевками русскихъ гушцовъ захолустнаго города Черемухина. Въ этомъ смыслѣ слова Государя о поучительности названной пьесы какъ нельзя лучше опредѣляли ея содержаніе... Она была поучительна не потому, что создавала новыя правила общественнаго поведения или порицала старыя; она была поучительна потому, что открывала глаза русскому обществу на народъ, на народъ, опираясь на могучія плечи котораго, оно

16

жаніе... Она была поучительна не потому, что создавала новыя правила общественнаго поведенія или порицала старыя; она была поучительна потому, что открывала глаза русскому обществу на народъ, на народъ, опираясь на могучія плечи котораго, оно беззаботно воспитывало свои англѣманскіе и галломанскіе вкусы и привычки, наивно считая себя въ то-же время знатокомъ «добраго русскаго мужичка», такъ залихватски плясавшаго въ кукольныхъ комедіяхъ беззаботныхъ «россійскихъ писателей».

Справляя юбилейныя торжества и кланяясь въ поясъ «великому русскому драматургу», гг. русскіе актеры и дирекція драматическаго театра не могли не испытать нѣкоторыхъ угрызений совѣсти... Въдѣ если въ юбилейномъ стихотвореніи, прочитанномъ г. Лепковскимъ, встрѣчается выраженіе: «другъ любимый», но это въдѣ только хорошая рима къ фразѣ «край родимый», но плохая—къ дѣйствительности... Изъ десяти томовъ произведеній А. Н. Островскаго наша драматическая сцена сохранила, стыдно сказать, два, въ которыхъ большой, чисто русскій талантъ М. М. Глѣбовой ищетъ себѣ выхода... Да и какой «любимый другъ» этотъ типично русскій человекъ и писатель современному театру, въ которомъ происходитъ чуть-ли не такое-же смѣшеніе языковъ, которое прекратило вавилонское столпотвореніе.

Переходя къ спектаклю, могу съ пріятностью сказать, что исполненіе было лучше, чѣмъ я могъ надѣяться. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить г. Скуратова—Русакова и г. Борисовскаго—Маломальскаго. Степенный, выдержанный характеръ игры г. Скуратова, его хорошая полнота русской рѣчи, масса характерныхъ подробностей въ жестахъ и движеніяхъ, дали очень вѣрное, дѣльное и художественное представленіе объ эпической натурѣ русскаго короля Лира. Очень хорошъ былъ и г. Борисовскій въ роли фатально «загулявшаго» Маломальскаго. Г. Степановъ въ роли Бородкина былъ ужъ слишкомъ вялъ и непрезентабеленъ. Бородкинъ далеко не былъ такимъ казанскимъ сиротой, какимъ его изображаетъ г. Степановъ. Онъ былъ по своему и уменъ, и пригожъ, и не лишенъ чувства собственнаго достоинства, только это не лѣзло въ немъ въ глаза, и, конечно, не могло импонировать просвѣщенному вкусу Арины Федотовны.

Авдотья Максимовна въ исполненіи г-жи Инсаровой лишилась той сердечной порывистости, которая составляетъ самую привлекательную черту этой дѣвушки.

Ея Авдотья Максимовна была слишкомъ плаксива. Я не хочу этимъ сказать, что г-жѣ Инсаровой вообще не удался образъ Дуечки, совсѣмъ нѣтъ, она внесла въ него много простоты, искренности, много сердечности и увлеченія, но не особенно большое и не глубокое дарованіе этой актрисы не могло охватить его во всемъ объемѣ. Г. Булатовъ безусловно слегка переигрывалъ въ роли Вихорега, а г-жѣ Чужбиной слѣдовало-бы помнить, что не всякій смѣхъ въ зрительной залѣ раздается во славу артиста, а иногда и въ поношеніе...

Обстановка чествованія была грандіозна и дѣлаетъ честь художественному вкусу г. Матковскаго.

Н. Николаевъ.